

Умер Аверченко

Оригинал здесь -- http://www.russianresources.lt/archive/Buhov/Buhov_4.html

Около этого имени сейчас надо бы поставить крестик, но у меня не поднимается рука. На днях наши общие друзья в Риге рассказывали, что из Праги получено письмо от литератора К. Бельговского о состоянии Аверченко: врачи признали его безнадежным.

Мы сидели и разговаривали об этом спокойно: мы просто не решались этому верить. Ведь нельзя же верить тому, этот здоровый, всегда веселый человек, от которого на версту пахнет жизнерадостностью, лежит и умирает. Просто не вяжется представление о тяжелой болезни по отношению к этому человеку...

И вот теперь, когда передо мной лежит телеграмма из Праги о том, что Аверченко умер - я не чувствую ее горечи. Мне все кажется, что это не так, что это чья-то глупая мистификация, а завтра я получу от Аверченки, живого, здорового и веселого, его обычное дружеское, забавное письмо...

Но чудес не бывает. Аверченко умер. Нужно писать о нем некролог. Те, кто знал о наших отношениях, те, кто знал, что и наша жизнь, и наша литературная работа почти за 15 лет была сцеплена с покойным нитями самой теплой дружбы и самой непорываемой любви, поймут, что для меня писать некролог об Аркадии Тимофеевиче Аверченко все равно, что писать надгробную надпись над могилой брата.

Поэтому я прошу извинить меня за разбросанность мыслей и фраз.

Аверченко было 42 года. В литературе он начал работать довольно рано - более осязательно эта работа началась у него в Харькове, в местном маленьком юмористическом журнале. Потом Аверченко приезжает в Петербург. Здесь в это время кончает свое существование "Стрекоза"; Аверченко делается членом редакции, принимает участие в создании нового журнала и создается "Сатирикон" - душой которого и делается Аверченко.

"Сатирикон" неотделим от имени Аверченко. Если формально журнал создан художником Радаковым, а впоследствии Аверченко его редактирование передал мне - все равно никто из нас не был и не мог быть для "Сатирикона" даже половиной того, что был для него Аркадий Тимофеевич. Всю любовь, которую питала к "Сатирикону" читающая Россия, все то обаяние, которое было у журнала, - все это нужно отнести за счет Аверченко. Неутомимый в выдумке как редактор, блестящий юморист, широчайший талант милостью Божией, - Аверченко расцветал в каждой строчке "Сатирикона" и скоро сделался одним из любимейших писателей России.

Его писательская карьера - молниеносна. Еще вот-вот молодой человек из провинции, "подающий надежды", он сразу же делается блестящим беллетристом-юмористом, а после выхода его книг "Круги по воде" и "Зайчики на стене" - имя Аверченко популярнейшее в России.

У Аверченки было счастье, редкое даже для самых талантливых писателей: его не только все знали, его не только читали - его любили. Читающая Россия именно любила Аверченко.

Тем, кто уже привык к Аверченко, часто выступающему на эстраде и нередко в ущерб своему литературному имени, наверное будет небезынтересно узнать, что в дореволюционное время, когда Аверченко появлялся в театре или на эстраде, - ему оказывали такой прием, которому могла бы позавидовать любая знаменитость мира.

Кто не читал Аверченко? Его читали и любили все, потому что его талант доходил до любого сердца. Разве это не показатель для размаха его необычайной популярности, что даже после революции, когда уже вокруг его имени начало раздаваться шипенье "исписался", мы натываемся на такие, с трудом обобщаемые факты: одну из старых книг Аверченко нашли в Екатеринбурге, в комнате расстрелянного царя, а более свежую в кабинете только что умершего Ленина.

Все круги общества, по-разному относившиеся к Аверченко, сходились в одном: в признании его громаднейшего таланта.

Аверченко писал много; лучшей характеристикой для всего написанного им, по моему мнению, является то обстоятельство, что если какая-либо седьмая, девятая или одиннадцатая книга его и не так удовлетворяла читателей, ждущих от Аверченко всегда яркого и непрерывного смеха, то следующая более сочная книга поправляла все дело и расходилась в десятках тысячах экземплярах.